

Пастырь особого режима

КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ЖУРНАЛА МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ»
ПРОВЕЛИ СМЕНУ СО СВЯЩЕННИКОМ, ОКОРМЛЯЮЩИМ
БОЛЬНЫХ КОРОНАВИРУСОМ В «КРАСНОЙ ЗОНЕ»

Уже больше года при Синодальном отделе по церковной благотворительности и социальному служению действует специальная группа священников, посещающая московских пациентов с COVID-19 в больнице и на дому. Все тридцать входящих в нее человек прошли инструктаж по технике безопасности и работе в стационаре. Сейчас, когда столица проходит через очередную волну заболеваемости, на этих людях, как и на медицинском персонале, — дополнительная нагрузка. Корреспонденты «Журнала Московской Патриархии» сопровождали на дежурстве одного из таких священнослужителей — штатного клирика московского храма Успения в Вешняках священника Георгия Фирсова.

Четыре цвета «красной зоны»

10:45. Отец Георгий выехал из дома ранним утром, успел заехать в храм за Святыми Дарами и теперь встречает нас у Северного входа ВДНХ. Он сегодня дежурит здесь — в коронави

русском госпитале при 24-й московской городской клинической больнице, который размещен в одном из зданий выставочного комплекса. Периметр 75-го павильона — одного из самых больших и красивых корпусов, с современными

системами кондиционирования и климат-контроля — сейчас полностью перекрыт, пропускают только машины скорой и лиц, на которых оформлены пропуска.

Передачи у родственников принимают у калитки по улице Сергея Эйзенштейна, приемное отделение оборудовано на месте бывшего главного входа. Позади остаются бюро пропусков, мужская раздевалка и пункт выдачи «джентльменского набора» — белоснежного костюма, носок и резиновых тапочек, в которые следует обрядить себя, оставив буквально все остальное в металлическом шкафчике. Большой зал отведен под экипировку входящих в «красную зону». Поверх белья последовательно водружаются: герметичный комбинезон на молнии с капюшоном; медицинская шапочка; прилегающая к носу и подбородку плотная тканевая маска; большие бахилы с прочными завязками; перчатки медицинские обычные и латексные (обе пары с прорезями для больших пальцев, места контактов с которыми, равно как и рукава внизу, дежурная санитарка тут же заботливо наглухо запечатывает скотчем); гигантские очки, больше похожие на шлем (внутри которого мои обычные очки, с диоптриями, как-то сразу теряются и начинают предательски запотевать). Не скафандр «Орлан», конечно, но даже по сравнению с общевоинским защитным комплектом выглядит костюм внушительно.

11:05. Пищит замок массивной двери, и мы шагаем внутрь. Основной, первый этаж возведенного в середине 2000-х годов 75-го павильона условно разделен на два корпуса, отмеченных в навигационных указателях как «Север» и «Юг». В бесчисленных блоках, на которые перегородено бывшее экспозиционное пространство, здесь могут принять одновременно полторы тысячи пациентов. Больных, в зависимости от их состояния, принимают четыре отделения: усиленная реанимация (для самых тяжелых, как правило, на аппаратах искусственной вентиляции легких), обычная реанимация, интенсивное наблюдение и простая терапия. На схемах корпусов отделения помечены красным, синим, желтым и зеленым цветами. Но преобладающий тон здесь — белый: врачи, медсестры, санитарки и прочие посетители (как мы, к примеру,

Сверху вниз: в экипировочном зале; у двери в «красную зону»

*Епитрахиль
«красной зоны»
не покидает*

вошедшие по разовым пропускам) выглядят как одинаковые «космонавты», поэтому каждому входящему черным фломастером на комбинезон наносят опознавательные надписи с именами. Резко выделяется на этом цветовом фоне золотистая епитрахиль отца Георгия, в которую он уже успел облачиться. Оказывается, ее, как и поручи, Евангелие и сосуд со священным маслом для таинства Соборования, он хранит в «красной зоне» в сейфе. Тем временем наш провожатый углубился в экран смартфона и мысленно составляет список посещения больных.

«Из всей группы столичных добровольцев, допущенных в «красные зоны» коронавирусных госпиталей Комиссией по больничному служению при Епархиальном совете Москвы, 35 волонтеров работают здесь, на ВДНХ, — объясняет отец Георгий. — Выходят они в три смены — естественно, когда могут, чтобы это не мешало их личным учебным и рабочим графикам. На комбинезонах им пишут, как правило, слово «храм» и их имя, чтобы больные сразу видели, что это православные добровольцы. Вчера, обойдя палаты, они собрали заявки от пациен-

тов и сформировали в нашем чате список всех тех, кто ожидает прихода священника. Какие-то требы остались невыполненными из-за нехватки времени с позавчерашнего дня: в этом госпитале трое священников, мы выходим на дежурство по очереди по вторникам, четвергам и воскресеньям, а по субботам здесь бывает еще и глава Синодального отдела по благотворительности епископ Верейский Пантелеимон».

Позвольте, но где же здесь палаты? Вереницу блоков вижу, а где же отдельные помещения со всеми удобствами?!

Ангельские трубы аппаратов ИВЛ

11:21. Оказывается, эти небольшие сочлененные помещения блоков и считаются палатами. В каждой по четыре — восемь коек, современное медицинское оборудование и бесчисленные штабеля бутылок с питьевой водой — на тумбочках, на полочках, на простенках, на перегородках между палатами. В туалет ходячим пациентам приходится отправляться за пределы блока: так был в свое время сконструирован 75-й павильон, и его инженериию

враз не переделаешь. А персоналу туда и наведываться особого смысла нет: нарушать герметичность костюма строжайше запрещается. Медработников не хватает, некоторые вынуждены выходить в «длинные» 12-часовые смены, и, чтобы не тратить по часу на прохождение через санитарный шлюз туда и обратно, иногда они проводят дежурство в памперсах.

Смены волонтеров, конечно, короче, да от них никто таких подвигов и не ждет. «Но среди добровольцев попадаются настоящие энтузиасты — например, 30-летний программист Кирилл Миловидов, у которого уже трое собственных детей, — рассказывает отец Георгий. — После пятичасового дежурства он выходит наружу, обедает, потом облачается в свежий спецкостюм и заходит еще на пять часов. Настоящий подвижник, который помог, между прочим, воссоединиться “загравшему” сюда австралийцу (работающему в Москве и говорящему только по-английски)

Около
1000
выездов за полтора года
только в Московском
регионе совершили
священники
из специальной группы,
посетив за это время

57
больниц

с его женой. Мобильные телефоны пациентам в тяжелом состоянии запрещены, адрес домашний он толком объяснить не мог, полицейские его английского не понимали. В общем, разобрался только Кирилл, а то супруга иностранца уже сбилась с ног в поисках мужа. Теперь тот пациент давно “на свободе”...»

12:06. Первая сегодня причастница — московская пенсионерка Мэри Шмаль (так написано на этикетке в ногах) — тихо разговаривает

со священником и принимает Святое Причастие. От общения с журналистами отказывается: говорить тяжело. «Мэри Васильевна, духовное чадо протоиерея Валентина Асмуса, стала, как мы между собой шутим, постоянной прихожанкой госпиталя: причащается по два-три раза в неделю, то есть фактически с каждым приходом священнослужителя, — поясняет отец Георгий. — Поэтому исповеди вы, быть может, и не заметили, хотя она прошла — только совсем короткая».

Краткий диалог
с постовой
медсестрой

Причащает в госпитальных условиях священник из одноразовой колбы. Для причастников из реанимации есть нюансы: они принимают прямо в уста Кровь Христову из специальной пипетки, а частицу Тела — из закручивающейся пробирки из рук священника. Но вот мы и в реанимационном блоке. Отец Георгий пришел сюда поддержать девушку, состояние которой накануне ухудшилось: «Ее исповедовал владыка Пантелеимон, вся наша группа о ней усердно молится...» Увы, поздно: кровать пустует, а дежурная по блоку медсестра сообщает, что подопечная сегодня скончалась.

12:27. В углу санитары тихонько пакует еще один труп в стандартный черный мешок и без лишней суеты увозят его по коридору. Все буднично, обыденно и, похоже, для давно работающих или лечащихся тут людей даже привычно. Отец Георгий сразу же пишет имя покойной в чат.

«От коронавируса умирают многие, поэтому чисто статистически священник за время нахождения в том или ином больничном блоке часто сталкивается со смертью, — продолжает он. — Конечно, в госпитале мы ушедших не отпеваем: нет условий, да и шуметь в реанимации строжайше запрещено. Волонтеры в таких случаях обычно читают про себя каноны, лица в священном сане — псалмы, литию, молитвы по исходе души от тела. Имена крещеных усопших тут же заносятся в список нашей группы для поминовения. Пересылать их куда-либо, кстати, строжайше запрещено, но все участники молитвенного братства под руководством епископа Пантелеимона келейно их поминают. Есть еще список о здравии. Видите, как

сильно разрослись оба файла?»

Интересуюсь у священника, отличаются ли исповеди в ковидном госпитале от тех, что приходится слышать у аналоя в приходском храме.

Синодальный
отдел по церковной
благотворительности
и социальному служению
направил

4377

комплектов средств
индивидуальной защиты в

120

епархий для посещения
священниками больных
в «красных зонах»

В реанимации

«Конечно! — восклицает тот. — Тут человек если кается, то по-настоящему. Ведь верующий пациент ясно понимает: следующей исповеди может попросту не быть, а потому какие уж тут формальности... Очень часто сокрушаются: не помирился с женой, не успел воцерковить внуков. Часто — просто отдельные слова шепотом и поток искренних, теплых слез. Невероятно тяжело здесь даже человеку, попавшему в обычную терапию с диагнозом “коронавирус”. Душа становится более чуткой, да еще и масса свободного времени появляется: не надо идти на работу, варить утром кашу, встречать детей из школы... Верующий больной в любом случае задумается о грехах!»

12:57. Рядом с горем — надежда, а радости здесь всегда сопутствует печаль. Добравшись до следующего реанимационного блока, обнаруживаем еще одного подопечного отца Георгия — 55-летнего Сергея Гузина — лежащим на спине и дышащим самостоятельно. «А ведь прошлый раз еле живой был и врачи давали нерадужный прогноз!» — улыбаясь, радуется священник и бросается приветствовать мужчину. На тумбочке

СПРАВКА. В июле в Центральной клинической больнице Московского Патриархата им. Святителя Алексия, Митрополита Московского, прошло обучение православных добровольцев для работы в «красных зонах» ковидных больниц. Программа занятий состояла из 12 академических часов и предполагала практику в госпитале. По окончании занятий выпускников прикрепили к московским госпиталям в качестве волонтеров.

у Сергея — трогательная мягкая игрушка. «Любимая жена прислала! — светится тот от счастья. — Доктора говорят, я на поправку пошел, читать разрешили. Гоголя мне принесите, пожалуйста!»

Только тут я замечаю музыкальный аккомпанемент, которого в блоках терапии не было. Чистыми интервалами мелодично перекликаются мириады невидимых органов, сливаясь в бесконечную последовательность тетраордов. Уж не ангельские ли то трубы?! Оказывается, так сигналият медицинские приборы цифрового поколения, в основном аппараты ИВЛ. Профессиональные музыканты с абсолютным слухом,

признаются медики, воспринимают их особенно тяжело, совсем не выносят этого раздражителя. Но в реанимации приходится терпеть.

А поговорить?!

13:10. По спине начинают струиться ручейки пота, хотя лицо к новой терморегуляции, кажется, адаптировалось. Ловлю себя на мысли, что в целом спецкостюм не такой уж и тяжелый. Другое дело, что уже второй час хочется пить, а ведь мы не испытывали особой физической нагрузки. Дежурство перетекает в обход палат интенсивного наблюдения, где священник, не задерживаясь ни у кого подолгу, благословляет пациентов, с кем-то перекидывается парой слов, у одних что-то спрашивает, другим, наоборот, отвечает. Переговорив с парой женщин, убеждаюсь: здесь в основном лежат нецерковные люди, им в первую очередь важно душевное сострадание. «Нашим больным не хватает именно вот такого внимания — участия человека, объединяющего функции психолога и социального работника, — подтверждает дежурная медсестра на посту одного из блоков, Ольга

Прутян. — Врачи делают все возможное и даже невозможное, но разговаривать по душам с пациентами они при всем желании не могут. А вот лично я замечала: когда священник после молитвы берет за руку человека с аппаратом ИВЛ, у того или палец дергается, или слезы начинают по щеке течь».

Иногда выписавшийся пациент приезжает к священнику на приход. Для отца Георгия это повод для особой радости.

«Два месяца в достаточно тяжелом состоянии тут провел опытный врач по имени Владимир. Я его несколько раз причащал, мы подолгу беседовали. Теперь он у нас на приходе в Вешняках, продолжаем тесно общаться!» И вот последний на сегодня лежачий больной — 49-летний Андрей Пахомов, только вчера переведенный в интенсивную терапию из реанимации. «Регулярный заходжанин», как он сам признается после причащения, Благовещенского храма в Петровском парке. «Прошел по краю, ежедневно ощущал смерть рядом, — чувствуется, что Андрей Геннадьевич радуется самой возможности продолжительно говорить, пусть пока и с заметной одышкой. — Когда

Любви и заботы не бывает много

Епископ Вере́йский Пантелеи́мон, *председатель Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению*

Когда человек тяжело болен, лежит в реанимации в «красной зоне», видит вокруг себя людей в скафандрах и не может ни с кем поговорить, ему страшно, он чувствует свое одиночество, беспомощность и очень нуждается в общении. Ему нужно, чтобы рядом с ним кто-то был, погладил его по голове, посочувствовал. У врачей и медсестер много других забот, да и сил не всегда хватает, чтобы поддержать своих пациентов. Эту задачу сейчас выполняют священники в «красной зоне» и специально обученные помощники — волонтеры, которые знают, как говорить со страдающим человеком, как его утешить. Они также могут помочь в простых гигиенических процедурах, покормить. Доброе слово и такое живое участие очень важны для пациентов.

К сожалению, в России пока не создан институт больничных капелланов. У нас есть военные священники, есть капелланы в тюрьмах,

но должности «больничный священник», который бы оказывал духовную и психологическую помощь пациентам, как это происходит во всем мире, пока нет.

здесь исповедуешься, Господь ближе и, наверное, покаяние поэтому сильнее. И молитвенная поддержка священника гораздо больше помогает — не дает раскиснуть, буквально добавляет физических сил. А сегодня я в этой палате проснулся рано, в половине шестого, и впервые за долгое время в окно увидел восходящее солнце. Вот, думаю, продолжается жизнь-то!»

13:45. Через полупустую «обычную» терапию, из которой пациентов массово и быстро выписывают, мы идем к выходу. У отца Георгия новое сообщение в телефоне. Он просит нас подождать на диване, а сам задерживается еще на полчаса. Срочный вызов — вещь непредсказуемая: эти заявки на общение со священником прямо во время дежурства могут поступить как из кол-центра госпиталя, так и от дежурной сестры милосердия Комиссии по больничному служению. «Не смена — курорт, — изрекает священник, вернувшись полчаса спустя. — Тридцать человек за три часа. Бывает вдвое больше и дольше».

14:50. После тщательного разоблачения с кропотливой, поэтапной и длительной дезинфекцией всех поверхностей, неспешного мытья в душевой и переодевания еще в один свежий комплект для «чистой» зоны болтаем в кафе на втором этаже за бесплатным для всех обедом, обсуждая прошедшие полдня. Наружная дверь на выходе дает милый прощальный пинок, у приемного отделения визжит тормозами еще одна скорая. Журналисты быстро покидают «зону», полные впечатлений и желания больше сюда не возвращаться (хотя лучше, как известно, не зарекаться). Несущие постоянную службу остаются на передовой — врачи, медсестры и медбратья, санитары, волонтеры. И конечно, священнослужители.

Дмитрий Анохин
Фото Михаила Еремина

ВНИМАНИЕ! Федеральная телефонная линия церковной социальной помощи «Милосердие»: +7 (800) 70-70-222. Просьбы о вызове священника к больному коронавирусом в Москве круглосуточно принимаются по телефону +7 (903) 660-30-40.

Сверху вниз: тяжелого пациента переводят из реанимации в терапию; редкие минуты отдыха у двери «на волю»; тщательная обработка всех поверхностей спецодежда при возвращении в «чистую зону» госпиталя